

Существует ли диалектическая логика?

1

Я помню времена, когда вопрос, вынесенный в заголовок этой статьи, был далеко не безопасен.

Спрашивающий рисковал быть отлученным от марксизма со всеми вытекающими из этого «организационными» последствиями, диапазон которых в иные периоды простирался достаточно далеко. Диалектическая логика как составная часть марксистско-ленинской теории познания считалась обязательным элементом философского и вообще высшего образования. Она противопоставлялась формальной логике, которая, с легкой руки В. Ленина, была объявлена пригодной лишь для «низших классов школы», да и то «с поправками».

Формальная логика долгое время существовала где-то на задворках научной жизни и нередко подвергалась нападкам как «буржуазная». Лишь в середине 40-х годов началось ее регулярное преподавание в высшей школе, первоначально на философском и некоторых других факультетах Московского университета. В 1946 году был переиздан дореволюционный учебник Г. Челпанова для гимназий, позднее появились первые вузовские учебники¹. Отдавая дань времени, все они были в той или иной степени идеологизированы и политизированы. Обязательной считалась ссылка на труды классиков марксизма как высшие образцы логического мышления. Даже такой незаурядной ученый, как В. Асмус, не избежал этого, ссылаясь в одной из своих работ по логике на статью молодого И. Сталина «Анархизм или социализм?»². Нередко встречалась и критика мифической «буржуазной логики»³.

Деидеологизация логики, как и других общественных наук, стала возможной лишь после так называемой оттепели. Процесс этот оказался сложным, растянулся на годы. Практически все учебники 60—80-х годов еще содержали следы прошлого в виде авторитарного цитирования тех же «классиков»⁴ (исключением были лишь издания по символической логике, принадлежавшие перу математиков). Часто это определялось конъюнктурными мотивами — ориентацией на цензора, редактора и другие издательские барьеры, без преодоления которых книга не могла выйти в свет.

Вопрос о диалектической логике в данном контексте достаточно сложен. С

¹ Строгович М. С. Логика. М., 1946; Асмус В. Ф. Логика. М., 1947; Бакрадзе К. С. Логика. М., 1951; Кондаков Н.И. Логика. М., 1954.

² А с м у с В. Ф. Учение логики о доказательстве и опровержении. М., 1954, с. 5.

³ Поскольку сегодня в это верится с трудом, сошлюсь на характерный пример: «Буржуазные логики стремятся отвлечь народ от научного знания, затемнить его сознание». (Строгович М. С. Указ. соч., с. 24.)

⁴ См. Г о р с к и й Д. П. Логика. М., 1963; Кириллов В. И., Старченко А. А. Логика. М., 1982; Гетманова А. Д. Логика. М., 1987; Свинцов В. И. Логика. М., 1987.

С в и ц о в В. И. — профессор кафедры философии, политологии и права Московской государственной академии печати, доктор филологических наук, кандидат философских наук.

одной стороны, комплименты в ее адрес (типичные, кстати сказать, для большинства вышеупомянутых учебников) объясняются идеологической инерцией. С другой стороны, они нередко вызывались искренней верой в могущество марксистской диалектики, в том числе и спроецированной на сферу познания. Хотя дискуссии 60—70-х годов о соотношении диалектической и формальной логики (журналы «Вопросы философии», «Философские науки») были уже далеки от апологетики «старшей сестры», ее существование, насколько помнится, все же не ставилось под сомнение. Скептицизм, с какого-то периода разъедавший всю советскую идеологию, коснулся диалектической логики разве что в околофилософском фольклоре в виде множества забавных анекдотов. Но, пожалуй, лучший анекдот на эту тему не нужно придумывать, он создан самой жизнью. О диалектической логике так много наговорено и написано, но никто и никогда так и не дал внятного ответа на вопрос, что это такое. И. тем не менее многие до сих пор убеждены, что она существует...

Возвращаясь мысленно в студенческие годы, я припоминаю, что мои отношения с диалектической логикой уже тогда были непростыми. Нет, это было не еретическое сомнение — скорее, наоборот, сознание собственной ущербности, неспособности понять то, о чем окружающие рассуждали так легко и свободно. Вынужденный обстоятельствами, я и сам стал — сначала в студенческих работах, а позднее иногда и в первых своих публикациях — делать вид, что вполне владею предметом. Но успешное философское лицедейство способно было лишь углубить чувство внутренней раздвоенности. Должен искренне признаться, что почувствовать известное облегчение, встретив в «Философских тетрадах» такое высказывание: «Нельзя вполне понять „Капитала" Маркса и особенно его I главы, не проштудировав и не поняв *всей* Логике Гегеля. Следовательно, никто из марксистов не понял Маркса 1/2 века спустя!» (т. е. спустя полвека после выхода в свет «Капитала». — В. С.)⁵. Штудирование Гегеля (тогда и позднее) существенно не изменило моего отношения к диалектической логике. Что касается Ленина, то мне, разумеется, тогда и в голову не приходил простой вопрос: не слишком ли много берет на себя автор этих удивительных слов, полагая, что едва ли не одному ему открылись тайны диалектики и диалектической логики?

Лишь впоследствии я разрешил себе крамольно предположить, что, может быть, диалектический король — голый.

2

Чем же объяснить саму идею создания какой-то особой, *высшей* логики?

Думаю, что в марксизме это стремление было связано с инструментальным подходом к философии вообще. Философия, которая до тех пор «лишь объясняла» мир, в новом своем качестве якобы была призвана «изменить» его. Старая методология, включая формальную логику, сочтена была для этого недостаточной, отягощенной грехом метафизики. Основой новой методологии должна была стать диалектика, проекция которой на область интеллектуальных операций и вела к зарождению принципиально новой логики — диалектической.

Между тем контрверза «диалектика — метафизика», провозглашенная Гегелем, воспринятая Марксом и впоследствии раздутая в ленинизме, сегодня удивляет своей надуманностью. В философском мире эта оппозиция не прижилась — за исключением, разумеется, регионов, где диалектический материализм существовал в виде государственной философии. Ни Гегель, ни Маркс, не говоря уж о Ленине, не были (в этом смысле) услышаны. В соответствии с традицией метафизикой по сей день продолжают называть не мифическую антидиалектику, а учение о сущности мира, в первом приближении — философию в целом. Понятия диалектики и метафизики не противоречат друг другу, и существует множество философских контекстов, подчеркивающих их полную совместимость. Вот харак-

⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 162.

терный пример: «Достоевский был не только великий художник, он был также великий духовидец. Он — гениальный диалектик, величайший русский метафизик»⁶. Кошунственное с точки зрения так называемой марксистско-ленинской философии сочетание в последней фразе двух якобы не совместимых характеристик — совершенно естественно.

Могут сказать, что все это — терминологические тонкости, что дело не в словах, а в существе проблемы — в тех двух противоположных концепциях бытия и познания, которые, как принято считать, берут начало в европейской философии от Гераклита, с одной стороны, и элеатов — с другой. Я полагаю, прежде всего следовало бы полностью отказаться от распространенного в нашей философской литературе противопоставления рассматриваемых понятий (метафизика — диалектика) и заменить их другими. Корректно было бы противопоставить друг другу две модели мира — статичную и динамичную. Существование *такой* оппозиции в рамках истории философии (метафизики) есть бесспорный факт. Следует, однако, учесть, что абсолютизация одной из моделей (динамичной) в ущерб другой (статичной) вообще и в сфере познания в частности со временем обнаружила свою несостоятельность. Статичная модель мира ни в коем случае не может считаться окончательно опровергнутой ни в онтологии, ни в гносеологии. Не отрицая внешней подвижности бытия, вполне допустимо усматривать некие неизменные его основы. К таковым, кстати сказать, можно отнести и те положения, которые составляют главное содержание «диалектики» (безразлично, что именно — огонь ли Гераклита, «основные законы диалектики», мифологизированные в советской государственной философии, или еще что-либо, скажем, сталинские «четыре черты диалектики», о которых нынче помнят лишь историки и люди преклонного возраста).

Еще более бесперспективной нужно признать попытку внедрить «диалектику» в сферу логики. Логика всегда, еще до проникновения в нее математических методов, отличалась высоким уровнем точности — как бы своего рода *предчувствием* последующей четкой алгоритмизации интеллектуальных операций. Ничего подобного не могла предложить ей «диалектика», неважно — в гегелевском или марксистском (поставленном «с головы на ноги») варианте.

Само словосочетание «диалектическая логика» не употреблялось Марксом и крайне редко использовалось Энгельсом⁷. Развернутую концепцию диалектической логики долгое время принято было приписывать Ленину. Однако кроме нескольких неопределенных фраз о тождестве диалектики, логики и теории познания («не надо трех слов») мы, пожалуй, можем обнаружить в его трудах лишь знаменитую «концепцию стакана», представленную в полемике о профсоюзах с другим «выдающимся диалектиком» Н. Бухариным⁸. Пример со стаканом в качестве образца высшей мудрости, непревзойденного достижения диалектической логики был тысячекратно воспроизведен в научных исследованиях и, разумеется, учебных пособиях (не обошли его, кстати сказать, и авторы известного учебника, изданного лишь несколько лет назад⁹).

Советская философия не только периода позднего предзастоя или раннего застоя, но и первых лет «перестройки» одарила нас множеством статей и рядом монографий на тему диалектической логики (речь о них впереди). Все эти работы были основаны на знаменитом программном замечании Ленина, согласно которому Маркс, не оставив после себя «Логики (с большой буквы)», оставил «логику „Капитала“»¹⁰. Задача воспроизведения диалектической логики, таким образом, связывалась с экспликацией какой-то особой (в смысле ее несовпадения с «обычной») логики «Капитала». Поскольку эта задача по сей день не может считаться решенной, сам собой напрашивается известный вопрос: а был ли мальчик?

⁶ Бердяев Н. Миросозерцание Достоевского. Париж, 1968, с. 7.

⁷ См., например, Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 538.

⁸ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 290.

⁹ См. Введение в философию. Учебник для высших учебных заведений. М., 1990, с. 105.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 301.

Общепризнанно, что стержнем логики является учение о доказательстве. Доказательственная сторона «Капитала» и выдвигалась обычно на первый план в общих характеристиках марксизма (Ленин говорил, что идея материалистического понимания истории превратилась из гипотезы в научно обоснованную теорию именно после появления «Капитала»).

Между тем сомнения в аргументационной непогрешимости «Капитала» возникли давно. В 1922 году в журнале «Экономист» Б. Бруцкус показал, что экономические построения марксизма основаны на нескольких кабинетных постулатах. К ним он относил прогноз резкого скачка производительности труда после обобществления средств производства, а также надежды на особые нравственные качества рабочего класса, якобы вытекающие из его исторической миссии. Как известно, основываясь на этих положениях Маркса, Ленин пытался увидеть в коммунистических субботниках «великий почин», начало новой эры. Бруцкус рассуждал гораздо реалистичнее, предсказав, что большевики, столкнувшись с действительностью, вынуждены будут прибегнуть к массовому принудительному труду. Предсказание оправдалось, а предсказатель вместе с группой других выдающихся отечественных ученых вынужден был покинуть страну.

Сегодняшние оценки доказательственной стороны «Капитала» еще более суровы. Слишком явственны в нем революционно-пропагандистские мотивы «Манифеста Коммунистической партии» — произведения политического, опубликованного задолго до появления «Капитала». Дело не в том, что одна из последних глав завершается самоцитатой из «Манифеста» — той самой, в которой пролетариат был объявлен могильщиком буржуазии¹¹. Весь «Капитал», как полагают современные исследователи, основан на произвольном отборе экономических фактов, которые призваны были «работать» на этот политический тезис¹².

Надо ли сегодня говорить об этом? Ведь практика, считающаяся в марксизме высшим критерием истины, опровергла главные положения «Капитала». И прежде всего предсказание неизбежной пауперизации рабочего класса, выраженное в ключе самой категорической модальности: «Это абсолютный, всеобщий закон капиталистического накопления»¹³. (Любопытно, что сама по себе категоричность этой фразы показалась автору недостаточной, и он прибегнул к шрифтовому ее выделению.) На фоне очевидного провала хотя бы одного этого прогноза копание в аргументационных, методологических «мелочах» представляется вроде бы излишним. Результаты, полученные автором «Капитала», сами по себе компрометируют его логику. Долгие годы эта книга считалась образцом применения диалектической логики, в особенности же — знаменитого метода восхождения от абстрактного к конкретному. С сегодняшней точки зрения следовало бы, пожалуй, назвать этот метод восхождением «от абстрактного к абстрактному» — движением от элементарных абстрактных понятий товара и стоимости (разработанных в политической экономии задолго до Маркса) к дурной абстракции, имеющей мало общего с капиталистической конкретикой, к мозаичной схеме, составленной из произвольно, предвзято выбранных экономических фактов.

Обращение к «Капиталу», таким образом, нисколько не проясняет вопроса о существовании какой-то особой диалектической логики.

В истории европейской культуры понятия логики и диалектики причудливо переплетены. Было время, когда логика именовалась диалектикой, составляя вместе с грамматикой и риторикой знаменитый тривиум наук, с которого начина-

¹¹ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 773.

¹² Современный анализ «Капитала» с экономической точки зрения обобщен в следующей работе: Майбурд Е. Фиктивный «Капитал». «Независимая газета», 7 апреля 1992.

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 659.

лось светское и духовное образование. Словосочетание «диалектическая логика» применительно к той ситуации звучало бы как тавтология. И тогда, и позднее, когда логика терминологически «освободилась» от диалектики, существовала преувеличенная вера в ее дидактические возможности. Считалось, что она в состоянии нормировать мышление человека и непосредственно способствовать приобретению истинных знаний. Это получило выражение в наивных названиях многих логических сочинений XVI—XVII веков — таких, например, как «Логика, или Искусство мыслить» (сочинение А. Арно и П. Николя, более известное под названием «Логика Пор-Рояля»). В наше время установилось более скромное отношение к потенциям логики. Усилиями многих ученых (в особенности Ж. Пиаже и Л. Выготского) было показано, что формирование операциональных способностей человеческого интеллекта есть сложный процесс, решающую роль в котором играет некая «логосфера», характерная для данной социальной среды¹⁴. Что касается логики как дидактики, то ей отводится роль элемента, всего лишь способствующего формированию общей культуры мышления, но ни в коем случае не «органо́на», непосредственно направленного на получение истинного знания¹⁵.

С оглядкой на этот исторический контекст признаем, что последняя постсхоластическая попытка создания «подлинной логики» принадлежит тому ответвлению в марксистской философии, которое связано с ленинизмом. Именно здесь прокламировались исключительные возможности диалектической логики не только как орудия познания, но и как инструмента революционного преобразования действительности.

Актуально ли все это сегодня — после изрядно подзабытых дискуссий о соотношении диалектической и формальной логики, да еще и на фоне очевидного упадка марксистской философии в целом? Есть ряд причин, по которым этот вопрос не заслуживает забвения. Прежде всего, диалектическую логику (точнее, то, что принято было так именовать) нужно отнести к достаточно жизнеспособным элементам ленинизма. Претендуя на роль научного инструментария, она сравнительно легко отделяется от скомпрометировавших себя политических и экономических элементов марксистской доктрины и в этом смысле наименее уязвима. При желании ее можно вообще «изъять» из марксизма и переориентировать на Гегеля, историко-культурный и философский авторитет которого неоспорим. Работы по диалектической логике в советской академической науке и высшей школе часто выделялись достаточно высоким уровнем среди типичных сочинений эпохи «развитого социализма». Неудивительно, что они издавались вплоть до самой «перестройки» и даже перешагнули этот рубеж. «Диалектическая логика» Э. Ильенкова, вышедшая в 1974 году, была переиздана в 1984. Год спустя вышло в свет одноименное учебное пособие И. Андреева. Познать диалектику и на этой основе заново освоить «Капитал» нередко призывают публицисты¹⁶. Совсем недавно появилась брошюра, в которой содержатся чудодейственные рецепты преодоления кризисного состояния страны. Издательство характеризует автора как «преподавателя диалектической логики»¹⁷. Нет, диалектическая логика — не анахронизм, на нее ссылаются и сегодня.

То, что в течение длительного времени именовалось диалектической логикой, всегда отличалось крайне неопределенными представлениями о собственном содержании и предмете. В работах разных лет по диалектической логике можно было встретить что угодно — и псевдофилософскую тарбарщину, ориентированную на политическую злобу дня, и добросовестные попытки применить принципы динамизма к традиционным проблемам логики в обычном значении слова. В этом

¹⁴ Подробнее об этом см. С в и н ц о в В. И. Логическая культура личности и общества. «Общественные науки и современность», 1993, № 4.

¹⁵ В какой-то мере эту роль приняла на себя математическая логика как элемент кибернетики, ставшей основой создания «думающих машин».

¹⁶ См., например, Чернышев С. Новые вехи. «Знамя», 1990, № 81.

¹⁷ См. Николаев И. В. Главная ошибка Горбачева. СПб., 1994.

диапазоне нашлось место самым причудливым комбинациям, способным сегодня вызвать лишь улыбку. В качестве примера сошлось на работу мексиканского марксиста Эли де Гортари¹⁸. Обильно оснащенная ссылками не только на Маркса и Ленина, но и на Мао Дзедуну, она в то же время содержала обстоятельный анализ формальных схем в духе аристотелевской силлогистики. Такова же в принципе и достаточно известная книга Г. Клауса¹⁹.

Говоря о причинах жизнестойкости диалектической логики, сегодня трудно отделить идеологическую инерцию от добросовестных научных намерений. Диалектическая логика часто находила «приют» на периферии традиционной логической проблематики, преимущественно в тех ее ответвлениях, которые находились в стадии становления. В любой науке время от времени возникают подобные направления с весьма неясными контурами. Польская логическая энциклопедия приводит пять несовпадающих друг с другом трактовок диалектической логики в литературе (преимущественно советской): часть формальной логики, дополнение к формальной логике, векторная логика и др.²⁰. Не вдаваясь в обсуждение возникающих в связи с этим специальных вопросов, обратим внимание на следующую характерную деталь: по мере того как подобные направления разрабатывались до определенной степени точности, они становились разделами формальной логики, обретали «права гражданства» именно на ее «территории». Мнимодиалектическая логика, достигнув определенных успехов, трансформировалась в логику формальную (часто в виде так называемых неклассических систем). Почему я говорю о мнимодиалектической логике? Да потому, что указанные направления, кроме названия, не имели ничего общего с диалектической логикой, не координировались с какой-то особой, высшей логикой, в частности с якобы чудодейственной логикой «Капитала», постигнуть которую так никому и не удалось.

Особое место занимали философские работы, авторы которых пытались ассоциировать понятие диалектической логики с диалогическим характером всего познавательного процесса. Для этого иногда использовался специальный термин «диалогика», ориентированный не столько на диалектику, сколько на феномен интеллектуального диалога (при всей возможной этимологической близости соответствующих терминов)²¹.

Что же касается прокламированной Лениным «высшей» логики, то она вращалась в кругу специфических проблем, имевших весьма отдаленное отношение к традиционному пониманию логики. Помимо уже упомянутого «восхождения от абстрактного к конкретному» это еще и «раздвоение единого и познание противоречивых частей его», знаменитое «снятие», качественные «скачки» и т. д., и т. п. — по самой сути дела невозможно ни перечислить эти операции, ни дать сколько-нибудь внятную их характеристику (не говоря уж о таком приеме, как алгоритмизация).

Предвижу напрашивающееся возражение: философия всегда отличалась обилием размытых понятий и таких проблем, которые допускают неоднозначное (неалгоритмизированное) прочтение. На это отвечу: философия — да, но ни в коем случае не логика. Ее ядро традиционно складывалось из нормативных элементов, реализуемых в достаточно четких предписаниях и рекомендациях.

Элементарная невнятица не позволяет рассматривать то, что принято было считать диалектической логикой, в качестве приемлемой системы правил мышления. Логика всегда была неразрывно связана с понятием закона. В традиционной (доматематической) логике это были хорошо известные «основные» законы — тождества, непротиворечия, исключенного третьего. В символической логике к ним добавилось множество так называемых тождественно-истинных формул — коммутативные законы конъюнкции и дизъюнкции, транспозиции, за-

¹⁸ См. Эли де Гортари. Введение в диалектическую логику. М., 1959.

¹⁹ См. Клаус Г. Введение в формальную логику. М., 1960. (В конце каждой главы этой книги дается «экскурс в диалектическую логику».)

²⁰ Mala encyklopedia logiki. Warszawa, 1970, str. 130—132.

²¹ См., например, Б и б л е р В. С. Мышление как творчество. М., 1975.

коны де Моргана и т. д. Но тщетно было бы искать какой-то аналог понятия закона в диалектической логике — за исключением разве что банальных замечаний типа: «Законы диалектики и законы логики — это одни и те же законы»²². Аналогичным образом обстоит дело и с проблемой нормирования различных интеллектуальных операций, скажем, определения. Всем ясно, о чем идет речь в предписании традиционной логики: «в определении не должно быть круга». Но попробуйте реализовать на деле установку, которую Ленин считал одной из главных в диалектической логике: «вся человеческая практика должна войти в полное «определение» предмета»²³. В лучшем случае это можно рассматривать как благое пожелание без ясных представлений о его реализации. И уж полной нелепостью было бы пытаться перевести в сколько-нибудь понятные практические рекомендации принципы восхождения от абстрактного к конкретному, раздвоения единого и т. д. Следовать принципам диалектической логики — примерно то же самое, что следовать знаменитой рекомендации Козьмы Пруткова: хочешь быть счастливым — будь им. Все дело в том, как быть счастливым, как достигнуть диалектического блаженства.

5

Разумеется, наука у нас нынче свободна, и никто не собирается посягать на интересы стойких последователей и защитников диалектической логики (в том смысле, как ее трактовал Ленин). Пусть в полное свое удовольствие раздваивают единое, сталкивают общее с особенным, сущность с явлением и т. д., а также, обнаружив тождественное в нетождественном или, наоборот, нетождественное в тождественном, благополучно восходят от абстрактного к конкретному. Пусть их.

Пусть-то пусть, но с одной существенной оговоркой. Ни в коем случае нельзя выпускать диалектическую логику из кабинетов, подпускать ее и близко к социально-политической практике. В ходе реализации той заповеди основоположника, согласно которой философы должны изменять мир, именно диалектическая логика оказалась особенно опасным инструментом. Как легко она отделяется от политики, так же легко может соединиться с нею. И это небезобидное соединение.

Я думаю, что не случайно само словосочетание «диалектическая логика», не встречаясь в трудах Маркса и будучи лишь упомянуто Энгельсом, гораздо чаще встречается в трудах Ленина. Тут нельзя не вспомнить известное сталинское определение ленинизма, согласно которому последний есть «марксизм эпохи империализма и пролетарской революции... теория и тактика пролетарской революции вообще, теория и тактика диктатуры пролетариата в особенности»²⁴.

Замечу, однако, что главная опасность диалектической логики мне видится вовсе не в том, что на ее основе якобы были приняты губительные политические решения, направившие страну по тупиковому пути. Несколько эпизодов, непосредственно связанных с деятельностью Ленина, с этой точки зрения заслуживают особого внимания. Один из них был почти мифологизирован в советской философии, поскольку вроде бы подтверждал вышеупомянутый инструментальный подход к философии (тезис Маркса об изменении мира — в действии!).

В трудные послереволюционные дни Ленин как-то запросил из Румянцевской библиотеки вместе с другими книгами «Логик» Гегеля. Принято было считать, что ключ к решению насущных практических задач вождь революции искал в диалектике, в диалектической логике. Должен сказать, что в этот почти сюрреалистический, почти в духе романов Кафки, миф я не очень-то верю. Чем ближе эта легенда к действительности, тем хуже и для философии, и для нашей истории.

²² Оруджев З. М., Сайас М. К вопросу о природе законов диалектической логики. «Философские науки», 1986, № 5, с. 52.

²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 290.

²⁴ Сталин И. Вопросы ленинизма. М., 1947, с. 106.

Ужасно было бы думать, что ответственнейшие политические решения, из коих многое обрекали людей на гибель, в наималейшей хотя бы степени зависели от «законов диалектики». И мне приятнее думать, что этот эпизод был связан с потребностью Ленина, незаурядного мыслителя, в чтении философской литературы независимо от политической злобы дня. Я полагаю, что в его решениях, как бы мы их сегодня ни оценивали, политический прагматик всегда превалировал над «диалектиком».

Второй эпизод относится к тексту знаменитого письма Ленина, известного как его «Завещание». Оценивая возможных кандидатов на пост генерального секретаря партии, Ленин назвал Бухарина «ценнейшим и крупнейшим теоретиком», однако добавил, что его воззрения с большим сомнением могут быть «отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики)»²⁵. Что же касается Сталина, тогдашнего генсека (и, следовательно, тоже возможного претендента на этот пост), то он с этой точки зрения вообще не характеризуется в письме, ему вменяется в вину лишь грубость.

Каков же был уровень диалектической подготовки Сталина? Прошло немногим более десяти лет, и страна познакомилась с такими перлами его диалектической мудрости, как, например, следующее рассуждение: «Если переход медленных количественных изменений в быстрые и внезапные качественные изменения составляет закон развития, то ясно, что революционные перевороты, совершаемые угнетенными классами, представляют совершенно естественное и неизбежное явление... Значит, чтобы не ошибиться в политике, надо быть революционером, а не реформистом»²⁶.

Мог ли Ленин заблуждаться относительно общего теоретического уровня Сталина, относительно степени владения им диалектической логикой? Едва ли. А между тем в письме содержится предложение назначить на пост генсека такого человека, который «во всех других отношениях отличается от тов. Сталина *только одним перевесом* (выделено мной — В. С), именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам»²⁷. О диалектике, о диалектической логике (недостатки Бухарина) — ни слова. Это настолько бросается в глаза, что в литературе делались попытки «поправить» Владимира Ильича. В одной из работ, посвященных анализу ленинского «Завещания», говорится: «Можно и должно и о Сталине сказать: его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к «вполне марксистским». Сведение живой теории к внешне четким, ясным, но жестким, схоластическим дефинициям было свойственно Сталину; было характерно для него, пожалуй, еще в большей степени, чем для Бухарина, огрубление, «примитивизация» тончайшей марксовской диалектики»²⁸.

Вряд ли Ленин нуждался в подобных «подсказках», вряд ли сам он не мог сравнить Бухарина и Сталина как «диалектиков» и вряд ли в его глазах это сравнение могло быть в пользу Сталина. В чем же тогда дело, почему речь идет о «только одном перевесе»? Трудно найти точный ответ, но можно предположить, что Ленин использовал ссылку на диалектику как возможный аргумент для решения вопроса во внутрипартийных спорах. Быть может, кому-то это покажется странным, но именно в этом я склонен видеть одну из главных опасностей диалектической логики. Ленин как бы играл понятием диалектики, и это было действительно реальным проявлением диалектической логики.

Дело в том, что так называемая диалектическая логика обладает поистине безграничными возможностями аргументационного обслуживания любой теоретической или политической позиции. Она легко переходит от какого-либо «тезиса» к «антитезису», причем на каждый из переходов при желании можно

²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 345.

²⁶ Сталин И. Вопросы ленинизма, с. 541.

²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 346.

²⁸ П л и м а к Е. Политическое завещание В. И. Ленина. М., 1989, с. 62.

подобрать соответствующую цитату из произведений «классиков марксизма». Таково уж свойство «законов диалектики», что из них принципиально выводимо все что угодно. Диалектическая логика свободно манипулирует любыми понятиями и суждениями при помощи столь характерной для нее смысловой эквилибристики. Ретроспективно рискну назвать ее европеизированной разновидностью чучхе, имея в виду нечто большее, нежели учение Великого вождя, воспринятое и развитое Любимым Руководителем. Чучхе как способ мышления вечно, и диалектическая логика стала лишь определенной пространственно-временной его модификацией. По аналогии с вышеприведенным определением ленинизма и в контексте нашей политической истории я предложил бы охарактеризовать диалектическую логику как софистику «эпохи пролетарских революций и диктатуры пролетариата».

Началось это при Ленине, любившем подводить философский аргументационный фундамент под многие причудливые извивы большевистской стратегии и тактики. Случай с профсоюзами и «диалектическим стаканом» в этом смысле достаточно показателен (не менее показателен и еще один факт — переиздание Лениным своей книги «Материализм и эмпириокритицизм» в тот период, когда стране было явно не до философских книг — в голодном и холодном 1920 году).

В дальнейшем богатые возможности диалектической логики проявились в аргументационном обеспечении большевистской стратегии и тактики в ходе так называемого социалистического строительства. При помощи диалектической логики можно было обосновать все что угодно. Вот несколько примеров. С точки зрения элементарного здравого смысла (т. е. логики «обычной») идея коммунистической партийности и идея научной объективности слабо коррелируются друг с другом. Диалектическая же логика легко справляется с этим затруднением, ссылаясь на классовые интересы пролетариата, совпадающие с объективным направлением исторического процесса. Точно так же полная и окончательная победа социализма «логично» приводила к обострению классовой борьбы и, следовательно, к ужесточению репрессий. Всемерное укрепление государства и государственного аппарата непостижимым для «обычной», но вполне объяснимым для диалектической логики образом вело к отмиранию государства. Национальные языки, в соответствии с концепцией Сталина, развиваясь и совершенствуясь, на подступах к светлому будущему должны были уступить место какому-то единому (какому — не сказано) языку. В области литературы и искусства диалектическая логика позволяла партийному руководству манипулировать противоположностью «очернительства» и «лакировки действительности», осуществляя свой многолетний диктат...

Мрачная страница применения диалектической логики связана с юридической (если ее можно так назвать) практикой большевистской диктатуры. А. Вышинский, сыгравший, как известно, особую роль в беспрецедентных по масштабам и жестокости политических репрессиях, не только в своих обвинительных речах, но и в научных исследованиях подводил под эти бесчеловечные акции теоретическую базу. Надо сказать, что русский пореформенный суд (с его незаурядными деятелями) с большим уважением относился к логике как средству судебного доказательства. Разумеется, это была формальная логика, которая никак не устраивала «революционное правосознание». Вот что писал на эту тему Вышинский: «Одна из важнейших задач теории судебных доказательств заключается в решительном освобождении от традиций, утративших уже свое значение, от пережитков формального абстрактно-логического суждения, от категорий, не выдерживающих проверки с точки зрения единственно научного метода — метода диалектического материализма»²⁹. Формальная логика не устраивала выдающегося большевистского правоведа тем, что не оставляла места

²⁹ Вышинский А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1946, с. 246.

«гибкости в деле применения закона»³⁰. Откровеннее, пожалуй, не скажешь. Вот это и была диалектическая логика в ее зловещем соединении с политикой.

Конечно, было бы абсурдно выводить все ужасы русской истории последних трех четвертей века из марксизма и тем более из какой-то там диалектической логики. Не будь марксизма, Ленин наверняка нашел бы иную теоретическую и мировоззренческую основу для цементирования большевизма. Не будь диалектической логики, большевики для глубокомысленного обоснования своих действий, вероятно, время от времени прибегали бы к какому-то другому чучхе (история показывает, что ни одна революция не обходится без политической демагогии, а последняя всегда испытывает потребность в том или ином чучхе). Это так. И все же нужно признать, что диалектическая логика оказалась в нужный момент очень удобным «подручным инструментом».

Нельзя недооценивать и влияния диалектической логики на повседневное мышление общества. Ж. Пиаже, исследуя генезис логических способностей индивида, писал: «Для каждого человека логика является моралью мысли, внушенной и санкционированной другими»³¹. И добавлял, что в принципе можно **приучить человека мыслить** алогично — противоречиво, непоследовательно, бездоказательно. Из ста человек, зазубривающих цитатники Мао, девяносто усвоят не только мысли Великого Кормчего, но и сам образ его мышления, в особенности же — стереотипы аргументации. Точно так же — через книги и газеты, через штудирование исторических партийных докладов, через школьное и вузовское зазубривание обществоведения, через методологические семинары, вечерние университеты и т. д. — диалектическая логика, незримо (и зримо) разлитая в «логосфере», оседала в сознании человека и оказывала воздействие на формирование социального менталитета.

Говоря об истоках диалектической логики (того, что так называлось), выскажу твердое убеждение, что гегелевский панлогизм (с его третированием формальной и прокламированием диалектической логики) сегодня сохраняет лишь историко-культурное значение. Попытки на этой основе прогнозировать и тем более конструировать социальные процессы — губительны для общества. И слава Богу, что нынешние политические руководители страны не апеллируют ни к каким философским «измам» для обоснования своих решений. Хотелось бы надеяться, что «диалектические стаканы» и тому подобные «философемы» навсегда исчезнут из политического обихода.

Я говорю «хотелось бы», потому что окончательной уверенности в этом все же нет. Где-то на периферии политического и интеллектуального пространства все еще бродит призрак большевизма. А стало быть, по соседству вполне может приютиться и диалектическая логика. И в случае новых неожиданных поворотов многострадальной отечественной истории (что не представляется вовсе невероятным) — кто знает, что она завтра нам преподнесет, что подкрепит своей всегда глубокомысленной аргументацией. Возрождение колхозов, их последующее укрупнение или разукрупнение — как следствие отрицания отрицания? Новое обострение классовой борьбы — как проявление закона единства и борьбы противоположностей? Или тотальные посевы бананов — как «главное звено» в диалектической цепи мероприятий, призванных возродить захиревшую экономику?..

6

Возвращаясь к вопросу, существовала ли диалектическая логика, припомним историю еще одного фантома недавнего прошлого. Я имею в виду социалистический реализм — существовал ли он?

Не так-то легко ответить на этот вопрос. С одной стороны, безусловно, существовал как совокупность определенных фактов литературы и искусства —

³⁰ Там же, с. 173.

³¹ П и а ж е Ж. Избранные психологические труды. М., 1969, с. 217.

таких, скажем, как роман «Кавалер Золотой звезды», пьеса «Кремлевские куранты» или картина «Утро нашей Родины» (на фоне линий высоковольтных передач — Сталин). С другой стороны, все это вряд ли может ассоциироваться с понятием реализма. По мнению А. Синявского, «в самом понятии „социалистический реализм“ содержится непреодолимое противоречие»³², ибо реализм, по определению, не может быть социалистическим, капиталистическим, христианским, магометанским и т. п. Он может быть лишь просто реализмом.

Примерно так же, думаю, обстоит дело с диалектической логикой. Она, безусловно, существовала в том простом фактографическом смысле, в каком невозможно отрицать наличие огромного множества научных статей, монографий, диссертаций, где на разные лады склонялось это словосочетание. Невозможно отрицать попытки ее применения для истолкования различных событий — пусть даже они и не увенчались успехом. Невозможно отрицать факт долголетнего изучения того, что именовалось «диалектической логикой», в общегосударственном масштабе — от вузов до добровольно-принудительной сети политпросвещения. Какой-то короткий период существовали даже кафедры диалектической логики и соответствующие подразделения в научно-исследовательских институтах.

Все это было. И в этом смысле диалектическая логика существовала (а для кого-то продолжает существовать). Но она никогда не была и не могла быть логикой.

³² Терц Абрам. Что такое социалистический реализм. «Цена метафоры, или Преступление и наказание Синявского и Даниэля». М., 1989, с. 457.